

ЦЕРЕМОНИАЛ ВОЗВЕДЕНИЯ НА ПРЕСТОЛ ПРАВИТЕЛЕЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА – «ПОДНЯТИЕ НА БЕЛОЙ КОШМЕ»

Джурабаев Д. Х.

«Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики», Худжанд, Таджикистан (735700, Худжанд, 17 мкр., строение 1), e-mail: juraboev.jh@gmail.com

Одной из важных и малоизученных проблем истории таджикского народа является история преодоления политического, экономического, социального кризиса во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Середина XVIII в. – сложный период в истории Средней Азии, насыщенный политическими событиями и борьбой за власть. А ведь на Востоке, впрочем, и как на Западе, легитимность власти играла важную роль в формировании династий. Автором на основе трактатов «Тухфат-ал-хони» Мухаммеда Вефа-йи Керминегги, «Тадж ут-таворих» Мухаммада Шарифа, «Таърих-и авоилу авохир» Муина, «Рисола» Мухаммада Яъкуба б. Амира Данияла, «Записок» Мирзы Шемса Бухари и др. первоисточников освещен церемониал «поднятия на белой кошме», возрожденный правителями мангытской династии Бухарского ханства. Дано описание обряда возведения на престол мангытского аталыка Мухаммеда Рахим-бия, который в середине XVIII века убил правителя Бухарского ханства Абулфайз-хана Аштарханида и узурпировал власть. Стремясь сделать захваченную власть легитимной и подчинить непокорных феодалов – эмиров, Рахим-бий, который не был потомком Чингизидов, в 1756 году вступил на престол Бухары, возродив древний монголо-тюркский обряд поднятия вновь избранного хана на белой кошме. Этот обряд был кульминационным этапом поведенческого символа власти в Бухарском ханстве. Объективно действия Рахим-бия способствовали объединению разрозненных феодальных территорий и появлению единого централизованного государства.

Ключевые слова: церемониал, Мухаммед Рахим-бий, белая кошма, легитимность власти, Бухарское ханство, Аштарханиды, мангыты, Чингизиды, ханский титул, монголо-тюркский обряд.

THE CEREMONIAL OF ELEVATION TO THE THRONE IN REGARD TO BUKHARA KHANATE GOVERNORS – “RAISING ON WHITE KOSHMA”

Djurabayev D. K.

Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand, Tajikistan (735700, Khujand, 17 microregion, building 1), e-mail: juraboev.jh@gmail.com

One of the important and scantily studied problems of the history of the Tajik nation is that one of overcoming the political, economic, social crisis in the second half of the XVIII-th the first half of the XIX-th cc. The middle of the XVIII-th century is a complicated period in the history of Middle Asia permeated with political events and struggle for power. One should note that in the East, just as in the West, legitimacy of power played an important role in a formation of dynasties. The author of the article elucidates the ceremonial of “raising on a white koshma” revived by the governors of Mangyt dynasty of Bukhara Khanate proceeding from such original sources, as “Tuhfat-al-khoni” by Mukhammed Vefoyi Karmineghi, “Tadge-ut-tavorikh” by Mukhammed Sharif, “Tarikh-i- avoilu avokhir” by Muin, “Risola” by Mukhmmmed Yakub Amir Daniyol, “Notes” by Mirza Shems Bukhari and other works. The article gives a description of elevation to the throne of Mangyt atalyk Mukhammed Rakhim-biy who had killed the governor of Bukhara khanate Abulfaiz-khan Ashtarkhanid and usurped the power; the events referring to the XVIII-th century. Striving to make the usurped power legitimate and to subordinate non-submissive feudal – emirs Rakhim-biy, being no descendant of Chinghiz-khan, acceded to Bukhara throne in 1756 having revived the ancient Mongolian-Turcik ritual of raising a newly elected khan on a white koshma. This rite was a culminating stage of a behavioristic symbol of power in Bukhara khanate. Objectively Rakhim-biy’s actions promoted a unision of separated feudal areas and a rise of a unified centralized state.

Keywords: ceremonial, Mukhammed Rakhim-biy, white koshma, legitimacy of power, Bukhara khanate, the Ashtarkhanides, Mangyts, Chinghizids, khan-title, Mongolian-Turcik ritual.

Введение. Бухарское ханство в позднефеодальный период истории занимало особое место в Центральной Азии. При анализе политической истории Бухарского ханства XVIII – первой половины XIX веков наиболее значимым событием являлось проведение ритуалов,

подтверждающих легитимацию политики и власти. Одним из таких ритуалов был обряд поднятия хана на белом войлоке (кошме).

Целью данного исследования является описание и анализ процедуры проведения обряда поднятия на белой кошме как формы признания превосходства верховного правителя в Бухарском ханстве.

Методы исследования: автор при выявлении особенностей церемониала восшествия на престол мангытского правителя использовал комплекс общенаучных методов: анализ и синтез, индукцию и дедукцию, описание, сравнение, обобщение и др.

Результаты исследования: основные положения и выводы исследования изложены автором на научно-теоретическом семинаре кафедры истории таджикского народа Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики.

Традиция обряда возведения на престол среднеазиатских ханов уходит в глубину веков. Согласно порядку, сложившемуся еще в дофеодальную эпоху, султаны и эмиры принимали участие в избрании хана. По старинному монголо-тюркскому обычаю избрание оформлялось поднятием избранного хана на белом войлоке (кошме)¹. Обряд этот совершался ближайшими родичами нового хана, наиболее знатными эмирами, а в более позднее время – также представителями дервишских корпораций.

Первый мангытский правитель Бухары Мухаммед Рахим-бий после убийства Абулфайз-хана Аштарханида сразу не проводил официального обряда избрания на должность хана. Ему для укрепления своей власти пришлось вести жесткую политику по отношению к противникам. Кроме того, с целью укрепления основ легитимности своей власти он женился на дочери умерщвленного им аштарханидского хана Абдулфайз-хана и выдал свою дочь за его сына Абдулмумин-хана. Дело в том, что Рахим-бий не являлся потомком чингизидов. На протяжении длительного времени (с начала XIII в.), после завоевания Средней Азии монголами, власть находилась в руках потомков Чингиз-хана. Как известно, со времен Монгольской империи среднеазиатско-чингизидские ханы имели ряд полномочий, важнейшие из которых можно сгруппировать по следующим направлениям: распоряжение всеми землями государства, внешняя политика (война и мир, дипломатия), суд над подданными, законодательная деятельность. Поэтому Рахим-бий – представитель племени мангыт, не будучи чингизидом, с целью легитимации своей власти установил родственные связи с потомками чингизидов – Аштарханидами.

Абулфайз-хан в последние годы правления опасался сильной оппозиции эмиров, так как усиление одного из них почти всегда приводило к беспорядкам и смутам. Каждый раз,

---

¹ Войлок (кошма) – плотный нетканый текстильный материал из валяной шерсти. Для изготовления белой кошмы использовали верблюжью шерсть.

когда влияние одного из эмиров возрастало, возникала опасность ограничения свободы остальных эмиров, и тогда, объединившись, они свержали и жестко наказывали этого эмира. Хан был бессилён предотвратить эти противоречия эмиров, он был лишь марионеткой в этой постоянной борьбе эмиров за влияние и власть. Рахимбий до 1747 года находился на службе у иранского шаха Надир-шаха Афшора. Вернувшись в Бухару, он начал борьбу за власть. Но вся эта борьба велась во имя хана и под предлогом уничтожения его врагов. Поэтому, пока был жив хан, власти Рахим-бия угрожала опасность, и эмиры могли под предлогом попиранья ханской власти Рахим-бием поднять бунт против него. Кроме того, только уничтожив даже мнимую и слабую власть хана, он мог полностью обеспечить легитимность своей власти. Именно поэтому, по нашему мнению, он убил Абулфайз-хана и в последующем – его сына Абдулмумин-хана. Он заставил эмиров примириться с этим и одобрить его. Однако источник не сообщает, каким способом Рахим-бию удалось заставить эмиров примириться с таким дерзким поступком. Совершив государственный переворот, Рахим-бий объявил будущим ханом младшего сына Абулфайз-хана, Убайдулла-хана, который был ещё младенцем. Но спустя некоторое время Рахим-бий устранил и его. В 1753 г., заручившись согласием знати и мусульманских авторитетов, аталык Мухаммад Рахим-бий вступил на бухарский трон с титулом эмира. А в 1756 году он женился на дочери Абулфайз-хана и объявил себя ханом. Рахим-бий предпринял решительные меры для укрепления государственной власти в областях. В течение 1747–1756 гг. он вел вооруженную борьбу с взбунтовавшими племенами, которых возглавляли Мухаммадаминбий юз-хаким Хисара, Субхон-кули кенегес-хаким Шахрисябза, Фозилбий юз-хаким Уратюбе, Тагаймурод буркут-хаким Нура, Асадбий кунгират из Кштута, Муса и Хайдар из Ургута и др. Борьба против кенегесов Шахрисябза продолжалась более двух лет (1750–1752). В сторону Шахрисябза было осуществлено четыре похода [7, л.143-177]. В 1753–1754 гг. предпринимается поход в сторону Джизака и Ура-тюбе с целью покорения этих территорий. В 1756 г. он совершил в два похода Гиссар, о котором подробно сообщает Мухаммед Вефа-йи Керминеге. По этим данным, население Гиссара состояло в основном из узбеков племени юз и таджиков, которых автор иногда называет «гальча». Хотя Гиссар являлся владением Бухары, но, пользуясь междоусобицами, хаким Мухаммадамин-бий вел враждебные действия против Бухары.

Во время похода бухарцы заняли Байсун, затем крепость Денау. Оттуда бухарцы начали набеги на Гиссар вплоть до окончательного его завоевания. Мухаммадамин-бий бежал в Балх. В процессе завоевания Рахим-хан переселил часть враждебных узбекских племен в Бухару и другие центральные города и таким образом обеспечил окончательное подчинение края [3, 102]. После прекращения военных действий Мухаммед Рахим приказал

переселенцам вернуться на свои прежние места. В результате вновь были переселены 20 тыс. семейств. Это мероприятие свидетельствовало о стремлении Мухаммед Рахима восстановить нормальную жизнь главных городов ханства. Но дальнейшие действия Мухаммед Рахима свидетельствовали, что он весьма жестко расправился с мятежным населением Гиссара. Оставшиеся жители должны были выставить в ханские войска 4 тыс. человек, уплатить в виде контрибуции 20 тыс. золотых, поставить 3 тыс. лошадей, 500 верблюдов. Перед уходом из Гиссара Мухаммед Рахим приказал казнить всех захваченных пленных, и в окрестностях Денау из голов казненных был сооружен «минарет из голов» (келле манора) [3, 103]. Целью данных мероприятий, скорее всего, было устрашение других центробежных сил, и они свидетельствовали, что Мухаммед Рахим является поборником жесткой политической линии.

В 1756 г. именно по инициативе духовенства Мухаммед Рахим-бий, женившись на дочери Абулфайзхана, принял ханский титул. На церемонии поднятия хана на белом войлоке (кошме), которая совмещала в себе вместе с тем и коронование, кроме представителей влиятельных узбекских племен, участвовали также представители духовенства [3, 103-104]. В отличие от других авторов, Мухаммед Вафа-йи Керминегги подробно описывает церемониал возведения на престол Рахим-бия. Этот церемониал был установлен среди тюркско-монгольских народов издревле, его соблюдали и тюркские каганы, и Караханиды, и Чингизиды. Порядок «поднятия на белой кошме» был таков: фатраши (слуги, застилающие ковры) стелили ковры, паласы и устанавливали трон; затем по звездам определялось благоприятное время восшествия на престол, и только после этого приглашали султанов, сановников и мусульманское духовенство. В определенное астрологами время хана сажали на белый войлок и, взявшись за четыре его края, поднимали. Причем за края войлока имели право браться только представители знатных родов. Согласно этим правилам, после поднятия на белой кошме хан произносил клятву верности по особой формуле. Новоизбранного хана усаживали на трон и начиналось одаривание его дорогим халатом (чапаном). Затем в честь правителя читалась хутба и выбивалась монета с его именем. Это засвидетельствовано и в письменных, и в устных источниках, об этом сообщают и надписи на некоторых каменных стелах. Обряд поднятия хана на белой кошме (войлоке) назван О. А. Соловьевой кульминационным этапом поведенческого символа власти в Бухарском ханстве. Говоря об установлении церемониала восшествия ханов на бухарский престол, П. Щубинский отмечает следующее: «Церемониал этот установлен со времен Рахима-Би, насильственно захватившего власть после умерщвления Абуль-Фейза. Прежние эмиры бухарские совершали свое коронование в Самарканде, восходя на знаменитый трон Тимура-кок-таш. Жители Самарканда отказались впустить в город Рахима-Би. Чтобы

совершить коронацию, он, по совету приближенных и как сам родовитый узбек, принял символом коронации чисто узбекское произведение, составляющее в их быту самый необходимый предмет – кошму, а для обозначения чистоты его намерений, происхождения и богатства рода, кошма была выбрана белая» [10, 123].

Ритуальная церемония поднятия Мухаммеда Рахим-бия на белой кошме подробно описана и в «Тухфат ал-хани» Мухаммеда Вафа-йи Керминеги. Ссылаясь на данный источник, Анке Фон Кюгельген отмечает: «Мухаммед Рахим Хан, по всей видимости, дал возможность подтвердить легитимность своего восхождения на трон и присвоения титула хана со многих сторон. Он созвал всех своих наместников, кадиев и *садат* (потомков Пророка на высоких постах), «великих царства» (*акобири каламрау*), повелителей приграничных владений (*умаройи сархад*) и нотаблей (*уммал*) каждого региона (*хар нохийат*) в Бухару в бухарскую крепость (Арк) для совещания «согласно суре Корана: «И советуйся с ними в деле» (3:159)». Он выступил с речью о положении в царстве и своей политике, а в конце присутствующие провозгласили: «Ты достоин короны и трона... ты – повелитель, а мы – слуги, ...каждое из наших сердец повинуется тебе, любая из наших договоренностей подчиняется союзу с тобой» [7, л.223]. Кроме того, они согласились с тем, что монеты и пятничная проповедь будут отныне украшены его именем. И наконец, Мухаммед Рахим Хан велел привести во двор Арка «ремесленников и крестьян» (*ахли хирфа у рабийат*) и получил от них заверения в их верности и их поздравления» [5, 267]. Как видно из вышесказанного, Мухаммед Рахим-хан созвал всенародное собрание, «которое было созвано, причем в нем, кроме узбекских вельмож, начальников войска и чиновников, принимали участия кази, сейиды и даже выдающиеся люди из «ремесленников и подданных»» [1, 279]. Все это говорит о том, что не только узкий круг должностных лиц, но и все население могло стать свидетелем непосредственной смены власти, т. е. имело возможность наблюдать возвышение нового правителя.

Через два дня (16 декабря 1756 года) была проведена «церемония возведения и признания» (*расм-и мутабаът у ойин-и мубайъат*) Мухаммеда Рахим-хана. В тронном зале – «*куруниши-хона*» Арка (Цитадели) Бухары, где должна происходить коронация, *фарраши* стелили ковры, паласы и устанавливали трон, представляющий собой простое глиняное возвышение. При последующих правителях мангытов трон претерпел своеобразную эволюцию и представлял собой большой, гладко отшлифованный, серо-синеватый мраморный камень, с тремя ведущими к нему ступенями, устланный семью покрывами из дорогих бухарских и индийских тканей [10, 123]. Белую кошму, на которую сажают хана, разостлали у подножия трона. Астрологи определяли благоприятное время восшествия на престол. Потом приглашались эмиры, сановники и видные представители мусульманского

духовенства – представители четырех фамилий: потомки Махдума Аъзам Касани, Сайида Ата, Ходжа Мухаммад Ислама Джуйбори и Ходжа Ахрора, т. е. приглашенные размещались рядом на месте коронации в соответствии с их рангом. Затем, в определенное астрологами время, дворцовые *ходжи*, *махрамы* (близкие слуги) и *курчи* (личная охрана) ввели в зал Мухаммед Рахима с завязанными глазами и посадили на белую кошму, которую за концы держали представители четырех видных племен (*уруг*): *мангытов* (в данном случае Мухаммед Дониял-бий), *утарчи* (Ходжамёр-бий), *бахрин* (Гайбулла-бий) и *сарай* (Джахангир-бий), за края кошмы держались представители вышеуказанных фамилий (представители саидов, казиев и ходжей): Исхак-ходжа, Амин-ходжа, Айюб-ходжа, Шахабaddin-ходжа и несколько человек из числа влиятельных дадхахов, туксаба, садров, раисов и военачальников [7, л.225]. Академик В. В. Бартольд констатировал, что при поднятии хана на белой кошме был восстановлен порядок периода Шейбанидов, тогда как при Аштарханидах в этом обряде принимали участие беки четырех главных узбекских родов [1, 279]. После этого новоизбранного хана усаживали на трон. Все улемы (мусульманское духовенство), вельможи и сановники явились к коронованному хану на поклон, во время которого произносились приветствия, присутствующие присягали хану. При последующих ханах присягу вельможи осуществляли путем поочередного целования руки новоизбранного хана, которую, в знак покорности и вечного повиновения, прикладывали к своему лбу и глазам. Первым подходил ходжа-калян (глава духовенства), вторым – накиб (следующий за ним духовный чин), третьим – куш-беги, четвертым – диван-беги и т. д. Этот обряд присяги называется «дастбейгат» (*дастбайъат*-Д.Дж) [1, 124]. Затем организовывался пир, подношение подарков. При этом каждого, кто принимал участие в церемониале, хан одаривал дорогим халатом. Халат входил в число символических знаков власти и отличительных элементов костюма. Как отмечает О. А. Соловьева: «Наряду с выполнением функции обычной одежды, он (халат-Д.Дж.) служил показателем властных полномочий, которые осуществляло то или иное лицо в системе управления. При этом изначально большое значение имели материал, цвет, орнамент халата. Безусловно, халаты должностных лиц отличались более дорогими материалами, как и вся одежда в целом» [9, 114].

Суть церемонии вручения халатов заключалась в том, что почетный халат выступал внешним знаком наделения особыми полномочиями сановников и духовенства. Этот старинный монголо-тюркский обычай имеет исторические корни. Например, у Чингизидов во время борьбы за престол в Ильханате между Газаном и Байду два эмира бежали от Байду и явились на служение к Газану. «Государю ислама их прибытие пришлось весьма по душе, он счел его за счастливое предзнаменование, пожаловал их и одарил их кафтанами, шапками и поясами с драгоценным набором» [8, 165]. Иными словами, Газан подтвердил статус

эмиров. Шараф-ад-дин Йазди повествует о том, как Тимур обозначил статус одного из царевичей-джучидов. «Он дал находившемуся при нем сыну Урус-хана, Койричак-оглану, отряд узбекских храбрецов, находившихся в числе слуг высочайшего двора, приготовил принадлежности падишахского достоинства, удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса, велел ему переправиться через Итиль и передал ему ханство над улусом Джучи» [4, 335]. Облачиться в шитый золотом халат означало обрести место в высшей иерархии, подчиниться Тимуру и получить властные полномочия над улусом.

В пятницу (19 декабря 1756 г.) во всех пятничных мечетях городов и больших селений – *от Бухары до Самарканда, от Миянкала до Шахрисябза, от Карши до Хузара, от Каракула до берегов Аму и других территорий ханства* была прочитана хутба на имя Мухаммеда Рахим-хана [7, л.226]. Кроме того, во имя новоизбранного хана была выбита монета. На монетах было отчеканено его имя как «Мухаммад Рахим Бахадур Хан» [2, 178-183]. Чтение хутбы на пятничной молитве и чеканка монет являлись символами не только власти хана, но и знаками существования ханства как единого государственного образования во главе с единоличным правителем. Они оказывали существенное влияние на политическую социализацию населения Бухары. Восшествие на трон Мухаммеда Рахим-хана также кратко описано в некоторых восточных письменных источниках: «Тадж ут-таворих» Мухаммада Шарифа, «Таърих-и авоилу авохир» Муъина, «Рисола» Мухаммада Яъкуба б. Амир Даняла. В них констатировано, что Мухаммед Рахим-хан взшел на трон счастья (*тахт-и бахт*), трон Бухары (трон господства над ней) – *тахти (салтанат)-и Бухоро* [5, 268]. В источниках упоминается также не чингизидское происхождение Мухаммеда Рахим-хана. Как отмечает Анке Фон Кюгельген, «Хумули и Мири свидетельствуют правомерность его (Мухаммеда Рахим-хана – Д.Дж.) восхождения на трон; они подчеркивают, что в Трансоксании якобы не было больше потомков Чингиз Хана мужского пола и поэтому Мухаммад Рахим был провозглашен ханом» [5, 269].

При каждом последующем мангытском правителе, в определенной степени сохраняя его основы, имела место вариативность обряда «поднятия на белой кошме». Например, Мирза Шемс восшествие на престол Бухары эмира Хайдара описывает следующим образом: «Для готовившегося торжества устроили помост с наметом, лицевой стороною обращенном к Мекке, а под намет этот поставили на помост трон из мрамора... По обеим сторонам этого помоста устроили два других, тоже лицом к Мекке... На помост по правую руку садятся сеиды и улемы: первым Накиб, потом Фейзы, далее Ураки-Келан, Казы-Келан, Шейх-уль – Ислам, Кызыл-Аскер, Аълем, Ураки-Хурд, Муфтии-Аскер, Раис города Бухары и прочие должностные ходжи и улемы. В намете по левую руку садятся: первым – Аталык, потом Диван-беги, далее Перваначи, Дадхах, Инак хранитель печати, Токсаба должностной, Ишек-

ака-боши и Мирахур, следующим за Мирахуром сидеть не дозволяется, они стоят. Таким образом, по каждую сторону трона садится человек 10–12 сановников. Которые из них старшие по достоинству, те садятся выше. Накиб и Аталык считаются равными.

Перед тронем разостлали белую кошму, Мир-Хайдар возложил на голову себе венец, украшенный драгоценными камнями, и сел на кошму. Тогда за четыре угла кошмы взялись Накиб, Аталык, Диван-беги и Перваначи, подняли на ней Мир Хайдара и опустили на трон. При этом произведена была раздача значительного количества золотой и серебряной монеты. Затем принесли кушанья. По окончании угощения присутствовавшие, каждый по достоинству, получили халат малевый, парчовый, глазетовый или бархатный: 9 тысяч халатов пожаловано было в этот день... послы по прибытии в Бухару были допущены к целованию руки эмирской...» [6, 2-3]. После проведения церемониала представители племен (при мангытах – 32 племени тюрков) с учетом общей численности ополчения и их заслуг перед тронем назначались на государственные должности.

Выводы. Таким образом, поднятие на кошме символизировало доверие окружающих к правителю. Ритуал подтверждал признание лидерства, а день восшествия на престол занимал свое место в длинном ряду праздников, ежегодно отмечавшихся населением. Церемониал поднятия на белой кошме имел важное значение для среднеазиатских ханств XVIII – XIX веков. Ибо он оказывал существенное влияние на три группы действующих лиц: правителя государства, чиновников и остальное население. Кульминационным моментом церемониала считалось участие в нём представителей различных сословий, имевших непосредственное отношение к властным структурам, и принесение ими присяги на верность правителю. Но главным фактором ритуала считалось подтверждение легитимности лидерства хана в государстве.

Список литературы

1. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2. Ч. 1. – М.: Изд. Восточной литературы, 1963.
2. Вельяминов-Зернов В. В. Монеты Бухарская и Хивинская // Записки Императорского археологического общества. Т. 8. – СПб., 1859.
3. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). – М., 1958. – 247 с.
4. История Казахстана в персидских источниках // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г.

Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Т. IV. Перераб. и доп. изд. – Алматы, 2006.

5. Кюгельген, Анке Фон. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 516 с.

6. Мирза Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари. – Казань, 1861. – 109 с.

7. Мухаммед Вефа-йи Керминеге. Тухфат-ал-хони (Тарих Рахим-хани). ркп. ИЯЛВПН АН РТ. – № 1426.

8. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. – М.; Л., 1946.

9. Соловьева О. А. Должностные символы в Бухарском эмирате // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 4.

10. Щубинский П. Очерки Бухары // Исторический вестник. – 1892. – № 7.

Рецензенты:

Давлатов Муллошо, д.и.н., профессор кафедры истории таджикского народа ТГУПБП, г.Худжанд.

Рахимов Н.Т., д.и.н., профессор кафедры истории таджикского народа ТГУПБП, г. Худжанд.